

ПЬЕР ПАСКАЛЬ: ЛЕВАЯ ТРАЕКТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В.А. Бабинцев

Странные, загадочные, неоднозначные следы оставляют иной раз люди в экстремальных обстоятельствах на крутых поворотах истории. Тому пример Пьер Паскаль (1890-1983), один из самых парадоксальных «попутчиков» большевизма, которому довелось провести в России семнадцать лет (1916-1933). Само по себе полевание католика-интеллектуала не содержало ничего парадоксального. В западном христианстве с начала XX в. набирало силу реформистское интеллектуальное направление на отход от безоговорочного, в духе энциклики *Qui pluribus* (1846) Пия IX и знаменитого «Силлабуса» 1864 г., осуждения социализма. В межвоенный период левокатолическое движение станет неотъемлемой частью не только интеллектуальной, но и политической жизни Европы. В контексте этой общей тенденции частный случай полевания Пьера Паскаля был маргинальным, но не экстраординарным. Его идейная эволюция в сторону христианского социализма определилась до приезда в Россию. Парадоксальным выглядит погружение консерватора в коммунизм, большевизм, являющийся тоталитарным отклонением от социализма.

Пьер Паскаль оставил потомкам редкостный исторический источник, давно требующий издания у нас в стране — четыре тома «Русского дневника»¹. В ряду аналогичных публикаций эту книгу выделяет повышенный интерес автора к реалиям повседневной жизни. В отличие,

---

Владимир Алексеевич Бабинцев, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Уральского государственного ун-та им. А.М. Горького.

1 *Pascal P. Mon journal de Russie. A la mission, militaire française 1916-1918. T. 1. Lausanne, 1975; Idem. En communisme. Mon journal de Russie 1918-1921. T. 2. Lausanne, 1977; Idem. Mon état d'âme. Mon journal de Russie, 1922-1926. T. 3. Lausanne, 1982; Idem. Russie 1927, Mon journal de Russie. T.4. Lausanne, 1982.*

скажем, от «Записок о большевистской революции» Жака Садуля, который фиксировал, прежде всего, политические, событийные аспекты исторического процесса, уделяя внимание главным образом встречам с крупными политическими фигурами, «Русский дневник» Паскаля является бесценным источником по ментальной и интеллектуальной истории эпохи русской революции, в нем чувствуется «голос улицы», слово предоставляется невзирая на социальное положение.

Автор тщательно фиксировал то, что зачастую невозможно обнаружить в других источниках. Достаточно упомянуть многочисленные элементы советского городского фольклора. Вряд ли где-нибудь еще отложилась запись такого, например, анекдота 1926 г.: *«Спеца из Высшего совета народного хозяйства спрашивают: «Вы пойдете на похороны Дзержинского?» – «На похороны Дзержинского? С превеликим удовольствием»*².

Выдающийся французский славист Андре Мазон так оценил записки своего коллеги:

«Во всех событиях Пьер Паскаль выступал как свидетель в самом строгом смысле слова, не то что бы любопытствующий наблюдатель, стремящийся все увидеть и побыстрее записать как журналист, не то что бы предвзятый энтузиаст, готовый восхвалять или поносить, а главное играть роль, и тем более не то что бы бесстрастный прохожий, которого ничто не удивляет, поскольку ему все безразлично, но как чуткий, сознающий свою ответственность свидетель, озабоченный вынесением суждения по совести»³.

Пьер Паскаль получил консервативное воспитание в семье лицейского учителя-латиниста. «Всем тем, что я есть и чем я был, я обязан отцу», – писал он на исходе жизни⁴. Достаточно двух точных штрихов, чтобы уловить специфику консерватизма Шарля Паскаля. Во-первых, приверженность к сюртуку: «Вплоть до 1914 г. он не признавал пиджаков. Преподавание еще было для него священнодействием»⁵. Во-вторых, при всей своей консервативности, подчеркивает сын, Шарль

2 *Pascal P. Mon journal de Russie. T. 4. P. 23.*

3 *Revue des Etudes slaves. 1961. T. 38. P. 8.*

4 *Pascal P. Mon père Charles Pascal // Revue des Etudes slaves. 1982. T. 54, fasc. 1-2. Mélanges Pierre Pascal. P. 11.*

5 *Ibid. P. 14.*

Паскаль «не ходил к мессе»⁶. Первое в сочетании со вторым отражало позицию консерватора, склонного к свободомыслию, и это многое объясняет в жизненной траектории сына, подсознательно усвоившего отцовский урок.

Лейтенант Паскаль, сотрудник Французской военной миссии (ФРАМИС), предстает со страниц первого тома своего «Русского дневника» человеком весьма консервативных взглядов. «Странное, должно быть, я произвожу впечатление: француз, проповедующий монархизм и верноподданность в пику русским», отмечал он 3 декабря 1916 г.⁷ Он не только не питал особой симпатии к большевикам, но, судя по его записям, испытывал к ним скорее антипатию. Так 28 июля 1917 г. среди прочих дневных впечатлений привлекает внимание следующий пассаж: «Нынче утром в трамвае видел косматого человека жуткого вида. Тип злобного большевика, сказал я себе»⁸. Большевистский лозунг «Вся власть Советам!» Паскаль воспринимал трезво. 5 августа 1917 г. в дневнике отмечается: «В Советах – подчиненность добрых, простодушных, самоотверженных масс амбициозным доктринерам-вожакам. И здесь ни грана христианства – вот очевидная беда»⁹.

Почему человек таких взглядов в октябре 1918 г. отказался вернуться во Францию с эвакуирующейся Французской военной миссией и остался в Советской России? Первый том «Русского дневника» Паскаля завершается поразительной сценой: 22 октября 1918 г. последний глава ФРАМИС в Москве майор Шапуйи поставил перед лейтенантом Паскалем вопрос об отъезде во Францию ребром, демонстративно выложив на стол револьвер. «Не знаю, пишет Паскаль, что бы я ответил, не будь подобной попытки меня запугать... Но этого оказалось достаточно, чтобы исключить малейшие колебания. Я сказал: Нет!»¹⁰. Импульсивная лейтенантская фронда? Следует решительно отвергнуть соблазн столь простого объяснения применительно к личности Паскаля. Рациональное у него всегда преобладало над эмоциональным.

В рассыпанных по многочисленным источникам свидетельствах современников бросается в глаза красноречивый факт: отсутствие уни-

---

6 Ibid. P. 17.

7 *Pascal P. Mon journal de Russie. T. 1. P. 82-83.*

8 Ibid. P. 179.

9 Ibid. P. 192.

10 Ibid. P. 344.

чижительных характеристик. Самые критичные по отношению к Паскалю оценки всегда дышат латентной благожелательностью. Такова, например, формула французской прессы, которую Паскаль воспроизводит 5 января 1920 г. во втором томе своего «Русского дневника»: «Сбившийся с пути идеалист»¹¹. Или сакраментальное «святая простота» из уст Людовика Нодо, французского журналиста, отсидевшего в 1918 г. несколько месяцев в Бутырской тюрьме. Выбравшись на родину, Нодо опубликовал книгу, где писал: «Я не осуждаю французов, подобных Садулю и Паскалю, поскольку, несмотря на абсурдность их позиции, эти культурные и искренние люди остаются симпатичными... Считаю их скорее наивными, доверчивыми, простодушными, нежели злодеями»¹². И это при том, что прочие персонажи, с которыми Паскаля сводила на одной сцене история, в изобилии удостоились диаметрально противоположных, зачастую убийственных оценок, ибо эпоха сплеча делила людей на «своих» и «чужих», а среди «своих» еще раз безжалостно отделяла «овец» от «козлиц». В тонкости, десятилетия спустя, стали вдаваться историки, но и самые проницательные из них до сих пор не создали непротиворечивой интерпретации феномена Пьера Паскаля.

Даже такой глубокий исследователь как Жорж Нива свою оценку мировоззрения этого «христианского большевика» – «Марксистом он был и, в известном смысле, остался»¹³ – тут же фактически опровергает репликой самого Паскаля: «Марксизм состоит из двух частей. По экономической части у меня серьезных возражений нет, я просто считаю ее спорной. Есть и философская часть, материализм – с ним я не согласен совершенно»¹⁴. Можно ли заподозрить в марксизме человека, способного на такого признание? Вопрос, конечно, риторический.

Франсуа Фюре попытался вписать интерпретацию «своеобразного большевизма» Паскаля в концепцию двух форм реакции против либеральной демократии в истории XX в.: фашизм в его разнообразных проявлениях и коммунизм, «нерасторжимо связанный с некой фундаментальной иллюзией»¹⁵. Паскаля он, равно как и себя, относит к числу тех,

---

11 *Pascal P.* Mon journal de Russie. Т. 2. P. 117.

12 *Naudeau J.* En prison sous la terreur russe. P., 1920. P. 170.

13 *Нива Ж.* Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 113. У Жоржа Нива можно найти еще более изощренную оценку Паскаля: «большевик-янсенист»...

14 Там же. С. 114.

15 *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 13.

кто «пережил изнутри власть коммунистической иллюзии»¹⁶. С точки зрения Фюре, «интеллектуальное и политическое приключение французского лейтенанта – это один из первых примеров того, как большевизм подчинял себе умы, пришедшие из совершенно иных сфер...»¹⁷.

Побывал ли Паскаль под властью коммунистической иллюзии? Ответ дает второй том «Русского дневника», охватывающий недолгий период пребывания автора «в коммунизме». В сопроводительном тексте Паскаль предупреждает о неполноте записей с конца 1918 по весну 1921 г. – время самых тяжких испытаний¹⁸.

Здесь мы фактически имеем дело с диалогом двух Паскалей: первого, молодого, пребывающего «в лоне коммунизма» как «в лоне церкви», и второго – отделенного от первого пятьюдесятью годами (позднейшие мемуарного характера вставки выделены в тексте французского издания 1977 г. курсивом). Хотя поздний Паскаль сразу оговаривает, что считает «оптимизм» раннего Паскаля вполне оправданным, они говорят, в сущности, на разных языках. Поздний Паскаль лишен всякой снисходительности к режиму большевиков. «С советской властью можно было мириться лишь вначале», признавал он через много лет в некрологе «Памяти И.Я. Стоярова»¹⁹. Разбирая мотивы прихода консерватора «в коммунизм», важнее понять «состояние души» раннего Паскаля, обратившись к на соответствующим элементам текста.

Любопытны приведенные в тексте документы эпохи, отражающие различные мнения относительно решения лейтенанта остаться в России. 17 января 1919 г. некий аноним, по-видимому, кто-то из состава выехавшего из Советской России французского посольства, в частном письме убеждал родных Паскаля в выгоде его поступка для Франции:

«Садуль и Паскаль... сумели завоевать доверие Ленина и Троцкого... Их оставили, чтобы иметь достоверные сведения о происходящем. Стало быть, нет ничего удивительного, что они сделались такими же большевиками, как те, за кем наблюдают»²⁰.

Интересно, что отец мятежного лейтенанта Шарль Паскаль воспринял его отказ вернуться спокойно, считая, что у сына, видимо,

---

16 Там же. С 16.

17 Там же. С 132.

18 *Pascal P. Mon journal de Russie. T. 2. P. 15.*

19 Русская мысль. 1953. 5 июня.

20 *Pascal P. Mon journal de Russie. T. 2. P. 21.*

были на то причины. Только мать восприняла поступок сына крайне болезненно²¹. Дядя Паскаля, не склонный к фантазиям доктор Феликс Вейриер, переслал вышеуказанное письмо с припиской о «дурацкой набожности» Паскаля, о том, что «с возрастом» такое проходит, что среди стариков немало весьма разумных, которые «в молодости были прямо-таки чокнутыми»²².

В те же дни мать заботливо переправила брату Жаку газетную вырезку неясного происхождения:

«У этого выпускника Эколь Нормаль далеко не революционное прошлое. Не потому ли его пример является одним из наиболее показательных для понимания такой стороны большевизма, которая до сих пор оставалась в тени. Между тем ее необходимо учитывать, если мы стремимся объяснить его притягательную силу для русских масс и идеалистической элиты, которая еще недавно искала в сектах возврата к братским законам первоначального христианства. Не следует забывать, что большевизм долей успеха обязан частичному совпадению своей социальной программы с социальной программой революции религиозной, которая всегда имела в России больше adeptов, нежели официальная религия. Русские мистики равнодушны к потустороннему. Они желают воплощения Града Господня на земле, что по-французски передается как нечто подобное гуманитарному и социальному христианству в духе Толстого.

От Толстого до Ленина дистанция не столь огромного, как полагают, размера, и лейтенант Паскаль преодолел ее быстро. Во время пребывания в петроградском Французском институте он удивлял своих коллег рвением, с которым погрузился в изучение трудов Жозефа де Местра²³. А ведь де Местр прекрасно чувствовал безмерность латентного социального христианства, дремлющего в русских массах в ожидании грядущего взрыва...

Застенчивый и мягкий, глубоко верующий лейтенант Паскаль мог быть привлечен к большевизму только мистическими тенденциями этого движения, сложность, глубину и благородную возвышенность которого мы напрасно недооцениваем. Именно такая возвышенность сделала вдохновенными апостолами стольких людей из народа, неграмотных, но убежденных. Во все времена реформаторы отдавали себе отчет, что их попытки завершатся только тогда, когда

21 *Pascal P. Mon père* Charles Pascal. P. 16.

22 *Pascal P. Mon journal de Russie*. Т. 2. P. 21.

23 В 1911 г. студентом Паскаль посетил Россию, готовя диссертацию о Жозефе де Местре.

соединятся революция политическая и революция религиозная. Вот почему католический мистик Паскаль работает вместе с социалистом Садулем ради уничтожения современного рабства, а именно невежества, нищеты, наемного труда»²⁴.

Можно только предполагать происхождение этого текста, отразившего распространенную тогда во Франции «толстовскую» интерпретацию событий в России. Так редактор *Humanité* Андре Пьер в номере от 3 октября 1919 г. утверждал, что русская революция является не только социальной и политической, но также «моральной и мистической революцией народа-толстовца, верящего в мировое братство и полное равенство людей. Коммунизм – это подлинная религия этого народа освобожденных рабов»²⁵.

Работы неопиту большевизма хватало. В «Русском дневнике» воспроизведены документы, отражающие многообразие задач, которые ему приходилось решать: удостоверение сотрудника журнала «Третий Интернационал»; отношение отдела школьной реформы Наркомата образования с просьбой оказывать всяческое содействие П.К. Паскалю, «доценту Парижского университета» (сам Паскаль изумлялся: «И кто мне только придумал это звание?»); удостоверение «переводчика-хроникера» отдела советской пропаганды ЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов РСФСР»²⁶. Кроме того, Паскаль сотрудничал во Французской коммунистической группе, которая сложилась с сентября 1918 г. при Федерации иностранных групп, основанной ЦК РКП (б), и Наркомате иностранных дел.

Виктор Серж, который познакомился с Паскалем в 1919 г., так описывает его:

«Бритоголовый, с пышными казачьими усами, всегда улыбчивыми добродушными глазами, он в крестьянской рубаше и босиком ходил по городу в Наркомат иностранных дел, где составлял некоторые бумаги для Чичерина. Глубоко верующий католик, он оправдывал “Суммой” святого Фомы свой переход в большевизм... Паскаль вел жизнь аскета, симпатизировал Рабочей оппозиции и анархистам...

---

24 *Pascal P. Mon journal de Russie. T. 2. P. 22.* Мать сопровождала это красноречивой припиской: «Мы именно так и поняли, но это мнение отнюдь не утешает, далеко не утешает!».

25 Цит. по: Виллар К. Первое знакомство французского рабочего класса с Октябрьской революцией (1918-1919) // ФЕ. 1977. М., 1979. С. 17.

26 *Pascal P. Mon journal de Russie. T. 2. P. 10-11.*

Спорил с Бердяевым о мистическом смысле своего поступка, переводил поэмы Блока»²⁷.

Коммунисты использовали Паскаля, но своим не признавали. Ему постоянно приходилось доказывать свою «неконтрреволюционность». В декабре 1919 г. Паскаль был вынужден обратиться в ЦК РКП (б) с заявлением, содержащим его кредо. Прежде всего: «Я – католик, а значит, по соображениям философским, историческим и моральным, ... сознательно принимаю истину доктрин, проповедуемых католической Церковью»²⁸.

И только после этого следовало признание справедливости – заметим, не истинности – коммунизма: «Я – коммунист, а, значит, сознательно принимаю справедливость всех теоретических, политических, исторических или тактических положений, содержащихся в программе Российской коммунистической партии»²⁹.

В сущности, Паскаль и здесь оставался в плену той же, мучительно терзавшей его в октябре накануне решения остаться в советской России, дилеммы: «Как быть? Христианство истинно. Социализм справедлив... Церковь против социализма исторически... Но мне-то как поступить? Я чувствую пустоту, пропасть. Пожертвовать собой, и сразу ни за что, чтобы не быть ни принятым, ни понятым?»³⁰.

Обращаясь к ЦК, Паскаль предпринял довольно неуклюжую, еретическую с позиции обеих ортодоксий попытку примирить непримиримое. Отвергая половинчатое решение, например, «принятие только практической части коммунизма» или же «сведение католицизма к расплывчатому, лишённому догмы христианству», он заявлял: «Моя позиция иная: я считаю коммунизм и католицизм, как они есть, без искажений, не только совместимыми, но и необходимыми друг другу и взаимодополняющими»³¹.

В конечном итоге печальное предвидение Паскаля полностью оправдалось: он так и не стал «ни принятым, ни понятым» большевиками. После разбирательства в ЦК РКП (б) 2 января 1920 г. Паскаль

---

27 *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 175

28 *Pascal P.* Mon journal de Russie. Т. 2. P. 45.

29 *Ibid.* P. 45-46.

30 *Pascal P.* Mon journal de Russie. Т. 1. P. 339.

31 *Pascal P.* Mon journal de Russie. Т. 2. P. 46.

занес в свой дневник целый набор навешанных на него ярлыков – «католический идеалист, ханжа, который причащается каждодневно» (Н.И.Бухарин, член ЦК), «папист» (Е.Д.Стасова, секретарь ЦК) – и сделал горький вывод: «Я теряю всякое желание работать. Пусть поищут во множестве подобных мне коммунистов. Если не хотят, чтобы я был таковым, тем хуже, набиваться не буду. Возможно, на днях меня исключат: тем лучше»³².

Уже 4 января Паскаль узнает, что особых строгостей от ЦК можно пока не опасаться, поскольку французских коммунистов считали полезными «для будущих действий во Франции», хотя Бухарин присовокупил к этому, что у Паскаля «в голове полная каша от стремления примирить непримиримое: “Сумму Теологии” и “Капитал” Маркса»³³. А Ленин, по свидетельству А. Гильбо, который с ним в присутствии И. Арманд обсуждал 25 января 1920 г. ситуацию во Французской коммунистической группе, сказал: «Жаль, что в вашей группе есть такие, как католик Паскаль»³⁴.

В 1920 г. Паскаль еще «в коммунизме». Весной, после серии выступлений французской печати, сообщавших о его «большевизме», после получения номера *La vie ouvrière* от 5 марта со статьей Марселя Мартине, «слишком хвалебной по отношению ко мне и слишком восторженной по отношению к русской революции», он пишет пространственный ответ своему однокашнику по Эколь Нормаль от 30 мая 1920 г.³⁵ В этом письме он признается, что большевики казались ему «разрушительной силой» вплоть до Октябрьской революции, которая была «результатом действий меньшинства с молчаливого согласия большинства»³⁶. Далее, пытаясь изложить усвоенное в «школе практического марксизма, опережающее его книжное познание»³⁷, он так и не сумел – допустим, по недостатку времени – внятно сформулировать свои взаимоотношения с большевизмом. Видимо, не случайно письмо Марселю Мартине так и осталось неоконченным и неотправленным.

Еще пространнее текст от 26 августа 1920 г. «Моральные достиже-

---

32 Ibid. P. 116.

33 Ibid.

34 Ibid. P. 140.

35 Ibid. P. 158-174.

36 Ibid. P. 163.

37 Ibid. P. 168.

ния советского государства», опубликованный во Франции в виде брошюры под заголовком «Два следствия русской революции», оставляет еще больше сомнений в большевизме автора, несмотря на оптимистическое утверждение: «Моральный прогресс, осуществленный Советской Россией, есть неоспоримый факт»³⁸.

В сущности, это было попыткой убедить «русских марксистов, что конечная цель есть все-таки человек, человек в обществе, но, тем не менее, человек»³⁹. Надежда Паскаля гуманизировать марксизм за счет христианства была обречена изначально. Впрочем, он доживет до тех времен, когда идейные искания французских «шестидесятников» в направлении гуманизации марксизма либо через обращение к «молодому Марксу», либо путем соединения с экзистенциализмом убедительно дезавуирует мощный голос философа-марксиста Луи Альтюссера: не надо пытаться соединить марксизм с чужеродными учениями, ибо марксизм есть цельная и законченная система, не надо пытаться гуманизировать марксизм, ибо марксизм есть «теоретический антигуманизм»⁴⁰.

По словам А. Мазона, «революция его [Паскаля] разочаровала... Путь, на который был обречен народ, оказался не тем, каким он себе представлял»⁴¹. Кронштадтские события и переход от «военного коммунизма» к НЭПу стали для него переломным моментом. Степень тогдашнего отторжения Паскалем коммунизма недвусмысленно характеризует дневниковая запись без точной даты под заголовком «Размышления о революции». В ней он определяет марксизм применительно к России как «необходимое и недостаточное» учение. Необходимое, как попытка научного подхода к проблеме условий, целей и средств, но «недостаточное по причине своей философской нищеты. Он игнорирует личность, мораль, субъективные причины». Общий вывод бил наповал: «Метод разумный, но дурной в употреблении...»⁴².

Марсель Боди писал: «В 1921 г. Пьер Паскаль не стал обменивать свой партбилет. Раньше всех нас он понял, что в партии ему нет места. Его комната начала превращаться в место встречи “диссидентов”, разу-

---

38 *Pascal P.* Mon journal de Russie. T. 2. P. 184.

39 *Ibid.* P. 182.

40 *Софронов В.* Луи Альтюссер: возвращение из изгнания // Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005. С. 160.

41 *Revue des Etudes slaves.* 1961. T. 38. P. 10.

42 *Pascal P.* Mon journal de Russie. T. 3. P. 16.

мая критика режима которыми уже привлекала внимание чекистов»⁴³. До отъезда из СССР он работал в Институте Маркса-Энгельса, где втайне, для души, занимался переводом «Жития протопопы Аввакума», который стал настоящим шедевром. «Писать может всякий, но перевод – это искусство, которому надо учиться», – считал Паскаль⁴⁴.

Большевистское «Отречемся от старого мира!» пришло в противоречие с внутренним консерватизмом вольнодумного католика. 25 декабря 1921 г. в его дневнике возникает симптоматичное озарение: «Чаадаев был прав, отказывая России в чувстве континуитета. Здесь начинают сызнова, здесь не совершенствуют. Не происходит накопления»⁴⁵.

Паскаль никогда не был марксистом. Он никогда не был в плену у коммунистической иллюзии. Тогда почему же он хотя бы на время уверовал в перспективу воплощения христианских идеалов через большевизм? Здесь следует обратить внимание на гениальную догадку Александра Гениса относительно главного секрета притягательности тоталитаризма: его способности материализовать фантомы:

«Хотя искусством *наводить* сны владеют отнюдь не только тоталитарные режимы, именно они создают мистическое поле чудес – зону повышенного мифотворческого напряжения, внутри которой может происходить все, что угодно»⁴⁶.

В докладе «Тоталитарное мышление» на четвертом Парижском международном коллоквиуме по проблемам тоталитаризма, состоявшемся в октябре 2004 г., Увве Баккес, заместитель директора Института Ханны Арендт (Дрезден), выдвинул эффективный критерий теоретического разграничения тоталитарных идеологий и мировоззренческих систем классических религий. Он предложил взамен прежних, двусмысленных («политические», «светские» или «секулярные» религии) определений тоталитарной идеологии неожиданную формулу: *доктрины земного спасения*⁴⁷. Сила тоталитарного соблазна, по Баккесу, состоит в том, что Х. Арендт называла «освобождением мысли от реальности», в его способности мобилизовать умы перспективой «сотворения неба на земле», посюстороннего воплощения идеального состояния,

---

43 *Body M.* Petr Karlovic // Revue des Etudes slaves. 1982. Т. 54. P. 21.

44 *Ibid.*

45 *Pascal P.* Mon journal de Russie. Т. 3. P. 28.

46 *Генис А.* Поле чудес // Два: Расследования. М., 2002. С. 107.

47 *Backes U.* La pensée totalitaire // Les logiques totalitaires en Europe. Monaco, 2006. P. 51.

именуемого на религиозном языке «спасением души».

Воздействие «мистического поля чудес» отчетливо прослеживается в дневниковых записях лейтенанта Паскаля. В переломном для него 1918 г., когда он был еще очень далек от формального присоединения к большевикам, когда Ж. Садуль в своем письме от 29 мая характеризовал его следующим образом: «Паскаль по убеждениям – католик-толстовец, и он восхищается, правда сугубо умозрительно, поскольку не был никогда знаком ни с одним большевиком, движением, в котором он в первую очередь ценит евангелическую сторону»⁴⁸. Паскаль вновь и вновь возвращался к идее посюстороннего спасения. Так, 16 августа он занес в дневник пожелание, чтобы Церковь сказала: «Социалисты, я согласна с вами относительно целей истины и справедливости. В сущности, я желаю, чтобы они были достигнуты уже на земле»⁴⁹. На следующий день он снова убеждал себя: «Христианство проповедует смирение, но также и воплощение истины и справедливости»⁵⁰.

Паскаль внимательно следил за «религиозными диспутами» в Политехническом музее и его особенно трогали не столько декларации большевистских лидеров, например, некогда «богостроителя» А.В. Луначарского: «Сегодня Христос был бы с нами»⁵¹, – сколько вмешательство в дискуссию простого солдата-коммуниста: «Сегодня мы – подлинные христиане». Паскаль отмечает, что солдат этот был «великолепен», когда заговорил о русском народе, взыскующем поглощенного водами праведного града-Китежа. «У нас таких проблем не ставят», – записал он в своем дневнике⁵².

«Зона повышенного мифотворческого напряжения» воспламеняла перспективой, по выражению Садуля, «создания реальности будущего из химеры настоящего»⁵³. Католика Паскаля гипнотизировала в боль-

---

48 Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С.294.

49 *Pascal P. Mon journal de Russie*. Т. 1. Р. 313. В данном случае обращение к «социалистам» вполне симптоматично, ибо тогда Паскаль не особенно различал социалистов и коммунистов. Это был период его пребывания в орбите Садуля, о чем позднее он писал так: «С Садулем было хорошо: глубокого согласия не было, но он был много старше, имел политический опыт и желание внушить мне социализм полнее». – *Pascal P. Mon journal de Russie*. Т. 2. Р. 19.

50 *Pascal P. Mon journal de Russie*. Т. 3. Р. 314.

51 *Ibid.* Р. 319.

52 *Ibid.* Р. 328-329.

53 *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. С. 188.

шевизме единственно идея посюсторонней достижимости идеального состояния. Но само «спасение» виделось ему отнюдь не в большевистском духе. Мы не можем вслед за Ж. Нива оценить это как «необыкновенное приключение, пережитое овернским мистиком, который уверовал в русский коммунизм»⁵⁴. Веры в русский коммунизм у Паскаля как раз и не было. В сущности, все «приключение» было обреченной попыткой предложить усовершенствование большевизма за счет христианской идеи, адаптированной к миру, переживавшему революционный сдвиг.

Почему же вслед за Паскалем, заявлявшим одно время «я – коммунист», и многими современниками, называвшими его большевиком, через десятки лет исследователи (Ф.Фюре, Ж.Нива) в очевидном противоречии с фактами продолжают повторять то же самое? Следует отметить, что подобная позиция аттестует самого Паскаля, а также Фюре и Нива с наилучшей стороны. Их не назовешь «тоталитарными интеллектуалами» (выражение Н.А.Бердяева). Критическое, картезианское начало – «Подвергай все сомнению», глубоко укорененное во французских интеллектуалах, допускает на уровне бессознательного возможность быть большевиком частично, принимая «справедливость» социализма, но подвергая сомнению его «истинность». Тогда как логика большевизма напрочь исключает подобное. Тоталитарные движения, партии и режимы по определению отличаются тем, что подчинены, прежде всего, логике тотальности. В XX столетии французские левые в большинстве своем счастливо избежали ее упрощающей власти.

---

⁵⁴ *Нива Ж.* Возвращение в Европу. С. 126.